

Кириллова Алина Игоревна

соискатель Камчатского государственного
университета имени Витуса Беринга

**РАЗВИТИЕ ШКОЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ В БЫСТРИНСКОМ
РАЙОНЕ КАМЧАТСКОЙ ОБЛАСТИ
В 1920 – НАЧАЛЕ 1950-Х ГГ.**

Аннотация:

Данная статья посвящена проблеме становления школьного образования в национальных районах Камчатской области в 1920 – начале 1950-х гг., основана на документах и материалах Государственного архива Камчатского края. Автор прослеживает становление и развитие сети школьных учреждений для коренных народов, успешность их функционирования. Особое внимание уделяется сложностям и срывам в ходе данного процесса, их причинам.

Ключевые слова:

Быстринский район, Камчатка, быстринские эвены, школа, школьное образование.

Kirillova Alina Igorevna

PhD applicant,
Kamchatka State University

**DEVELOPMENT OF HIGH SCHOOL
EDUCATION IN THE BYSTRINSKY
DISTRICT OF THE KAMCHATKA REGION
IN THE 1920-S – EARLY 1950-S**

Summary:

The article describes some aspects of schooling system development in the ethnical districts of the Kamchatka region during the 1920-s – early 1950-s by case study of documents and materials of the State Archive of the Kamchatka Krai. The author retraces establishment and development of the schools for indigenous peoples, and considers efficiency of their functioning. The special attention is paid to difficulties and failures during the process, and their reasons.

Keywords:

Bystrinsky district, Kamchatka, schooling, secondary school, Evens in Bystrinsky, ethnical district.

В силу преобладания в Быстринском районе эвенского населения в 1920–1940-е гг. над другими этническими группами и формирования описываемой территории как национальной автор в данной статье описывает становление и развитие школьных учреждений в национальных населенных пунктах, а также распространение образования среди коренного населения Быстринского района.

После установления советской власти на всей территории СССР началось активное строительство нового общества как в экономической, так и духовной сферах. В основу «культурной революции» была положена «пролетарская культура». Еще в 1918 г. в период борьбы за укрепление власти Н.К. Крупская выразила основную задачу: «укрепление пролетарской культуры, распространение ее влияния на все население есть необходимое условие осуществления социализма. Социализм возможен будет лишь тогда, когда в корне изменится психология людей. Изменить ее и является задачей, стоящей перед нами» [1, с. 3]. Основными инструментами по распространению «пролетарской культуры» среди населения, в том числе среди народов Севера, были школы, «ликбезы» – курсы, направленные на ликвидацию безграмотности; красные пологи, красные палатки, избы-читальни и красные уголки на предприятиях – учреждения, «которые должны быть поставлены в центре всей политико-просветительной работы» [2, с. 14] на местах, а также культбазы. Они должны были служить ретрансляторами марксистско-ленинских идей и вести антирелигиозную пропаганду.

Основным языком преподавания должен был стать русский. Как пишет Н.К. Крупская, он «должен быть центром преподавания в школе для взрослых, так как цель этих занятий – дать человеку возможность ясно, отчетливо понимать чужую речь, устную и письменную, следить за всеми изгибами мысли других людей, с одной стороны, с другой – дать ему умение самому точно, ясно, сильно передавать другим путем устной и письменной речи все свои многосложные мысли и чувства» [3, с. 1]. Язык должен выступить инструментом сближения людей, и эта роль отводилась русскому языку. Новые поколения также должны были его знать, чтобы налаживать контакты с другими народами СССР.

Реализация всех этих положений в Быстринском районе привела к коренным изменениям в жизни и сознании эвенов: превращение русского языка в основной, обучение ему вне зависимости от желания населения, в том числе женщин и девочек; распространение социалистической идеологии и антирелигиозной, в том числе антишаманской пропаганды.

Первая школа такого образца находилась в с. Эссо, в центре района. Она была основана в начале 1920-х гг. Первым учителем, пытавшимся реализовать политику советских властей в полной мере, был М.С. Антропов, присланный Дальневосточным краевым отделом народного

образования (далее – ДалькрайОНО) в 1928 г. По его воспоминаниям эвены положительно относились к образованию, дети были очень любознательны; деревянные здания для учеников были в новинку: «они приходят в школу, как в сказочный дворец, несмотря на более чем скромное здание школы: две небольших комнаты – одна классная, другая – квартира учителя» [4, с. 9].

Несмотря на старания М.С. Антропова проводить политику партии и властей на местах, не отступая от указаний, реальность вносила свои коррективы. Учитель отмечал, что детям легче давались предметы, требующие наглядно-образного мышления, особенно рисование, а ведение занятий на русском языке было очень трудным и неудобным, оно снижало эффективность обучения. По этой причине Антропов начал изучать эвенский язык и вести занятия с младшими школьниками на их родном языке по всем предметам, кроме русского языка.

Перед школой района стояли две задачи: обучение младших школьников грамоте – то есть чтению и письму на русском языке и подготовка образованных национальных кадров для Быстринского туземного районного исполнительного комитета (далее – ТузРИК), позже районного исполнительного комитета (далее – РИК). Ученики помимо грамоты должны были иметь общие представления о марксистско-ленинских идеях, линии партии. Следует отметить, что школа успешно справилась с поставленными перед ней задачами. Об этом пишет М.С. Антропов: «писали письма и сочинения, учились делопроизводству ТузРИК и Тузсоветов. Подготавливали свои кадры. Издавали свою стенную газету “Ламутскую правду” вначале на русском языке, а после помещая статьи по-ламутски <...> в конце 1928/29 учебного года, а выпустили 7 школьников <...> двух использовали как технических секретарей Тузсоветов, одного послали в Среднекамчатский кооператив на выучку» [5]. Кроме того, выпускники школы отправились на учебу в Ленинградский институт народов Севера и в Хабаровск.

В целом, по мнению учителя, школа не была в прямом смысле школой I ступени. Она стала очагом советской культуры и нового образа жизни: именно там эвенов познакомили с баней и нижним бельем, нормами санитарии; там же велись политические беседы и пропаганда, изучались и заучивались статьи В.И. Ленина (правда, как отмечает М.С. Антропов, делалось это добровольно). Также школьное образование в 1930-е гг. было призвано способствовать изменению социально-бытового уклада, религиозных представлений учащихся. Так, обучающиеся в школе на Уксичане, в начале 1930-х гг. ходили по юртам, беседовали о санитарно-гигиенических нормах, писали письма в табуны, выступали с номерами художественной самодеятельности, отсылали в юрты протокольные постановления детского коллектива, призывая к досрочной сдаче промышленной пушнины. Также по воспоминаниям М.С. Антропова в начале 1930-х гг. священник прислал в район письмо, в котором выражал желание посетить район. В ответ на него общее собрание детей и взрослых отправило достаточно резкую отповедь.

Таким образом, школа к 1930 гг. постепенно становилась органом пропаганды советского образа жизни и новой культуры. Начались изменения в модели передачи знаний, теперь авторитет переходил от пожилых людей к учителям во всех сферах, кроме навыков выживания в тундре и оленеводства. Следует отметить, что до 1933 г. не происходило полного отрыва детей от семей, многие жили не в самом здании школы, а в юртах, носили традиционную одежду, употребляли привычную им пищу. Тем не менее, постепенно «школа глубоко проникла в самую гущу населения, охватывала все интересы и нужды ламутов, жила одной жизнью с ними» [6].

После пожара в 1933 г. в с. Эссо было отстроено новое здание школы, к которому прилагались уже хозяйственные постройки, в том числе были заготовлены бревна и для строительства интерната. Здание получило статус семилетней школы. В 1940 г. состоялся первый выпуск. Причем, семилетняя школа существовала только в районном центре. К 1934 г. в школе насчитывалось 50 учеников-эвенов, и она была трехклассной. Несмотря на то, что официальные данные давали весьма положительную оценку развитию системы школьного образования в районе, на самом деле существовало множество проблем. Так, по данным личных архивов К.С. Черканова «в 1933 г. приходилось заниматься и спать в школе, здесь же была столовая. Постельных принадлежностей не было, были кукули и олени шкуры. Одеты дети были в меховые одежды, бани не было, питание было плохим» [7]. Неблагоприятную ситуацию подтверждают и воспоминания М.П. Ломовцевой, которая пишет, что мать отказывалась долго отпускать ее в школу, так как там умерла ее старшая сестра. Нежелание родителей отдавать детей в школы подтверждают воспоминания учителя Анавгайской средней школы А.П. Бараули [8]. Дети с трудом адаптировались к новым условиям, потому что зачастую не знали русского языка. По воспоминаниям М.П. Ломовцевой, В.И. Ахметовой, М.Г. Адукановой, до прихода в школу они не знали русского языка, говорили только по-эвенски, учили новый язык прямо в интернате при помощи старших подруг-переводчиков. Однако сами дети учились с интересом, впитывали новые знания.

В 1940 г. на территории района существовала еще одна начальная школа, на базе Крапивная [9, с. 53], но там не было интерната, поэтому в ней учились только местные школьники.

К 1940 г. в Эссовской начальной средней школе обучались дети со всего района, были построены интернат и столовая. Как отмечают старожилы 1930-х гг. рождения, они очень тосковали по своим семьям, по тундре и жизни в табунах.

Содержание детей в интернате некоторое время было платным. От уплаты освобождались только бедняцкие хозяйства, за них платил колхоз; середняки платили по 120 руб. в год, крупные хозяйства – 180 руб. за 1 ребенка в год [10]. Если колхоз платил за детей середняков и крупных хозяйственников, то они потом возвращали затраченные на них средства. Все это еще более усиливало нежелание расставаться с детьми. Родители пытались скрывать детей в табунах, так как на усадьбах их было легко обнаружить. В это время пока не было предусмотрено уголовное или административное взыскание с родителей за «сокрытие детей», поэтому прокурорских проверок по табунам не проводилось.

По причине того, что многие родители отказывались отправлять детей в школы, в районе в 1941–1942 гг. не был достигнут обучением 100 %-ый охват детей школьного возраста. Это не позволяло реализовать такое направление национальной политики как всеобщее. В связи с этим 1 марта 1943 г. Быстринский райисполком принял решение о введении всеобщего обязательного начального образования (решение № 48). Для его реализации в эвенских национальных селах начали открывать начальные школы. Находящийся близ районного центра Анавгай стал первым из таких сел – школу здесь открыли 1 сентября 1943 г. В ней в 1-ом классе обучалось 16 учеников, но успеваемость была низкой – 37,5 % [11]. Тем не менее, в военные годы школы были не везде. Учащиеся из с. Лаучан обучались в Тваяне [12]. В Кекуке школа существовала лишь формально, так как там не был сделан ремонт в отведенном помещении, не было парт и доски. Эта ситуация сохранялась в Кекукнайской школе до 1947 г. [13]. При начальных образовательных учреждениях существовали интернаты, в которых жили учащиеся из других сельсоветов, а также те, чьи родители постоянно работали в табунах пастухами и чумработницами. В начальных школах обучение доходило до 4-го класса, далее их выпускники отправлялись учиться в Эссовскую семилетнюю школу.

Следует отметить, что оснащенность школ и бытовые условия в интернатах в годы войны были сложными. Так, по воспоминаниям учителей Тваянской школы Фомина Павла Ивановича и Шевелевой Валентины Петровны, в учреждении не было букварей, задачников, прописей; все делали сами учителя [14].

Несмотря на старания сельских учителей успеваемость в 1941–1945 гг. была низкой: в 1944 г. в Тваянской школе из 27 учащихся на второй год осталось 13 чел. [15], в Анавгайской школе в 1944 г. успеваемость составляла 35,2 % [16]. Кроме того, в протоколах Анавгайского сельсовета отмечается, что школа не обеспечивалась топливом и оборудованием и не соответствовала требованиям современности: не было парт и скамеек, счетов, не законопачены стены и не отсыпан пол [17]. Неудовлетворительные бытовые условия в интернатах подтверждает и тот факт, что вспыхнувшая в 1944 г. в Быстринском районе эпидемия кори привела к смерти некоторых учащихся. Так, в Тваяне в сентябре от нее умер один ученик, а в марте 1945 г. по неизвестной причине умерла еще одна ученица [18].

Неблагоприятную эпидемиологическую обстановку в школах и интернатах района усугубляло отсутствие отопления, хотя обеспечение дровами было обязанностью сельских советов, которые в свою очередь организовывали воскресники по заготовке дров. Тем не менее, в протоколах Анавгайского, Тваянского и Кекукнайского сельсоветов отмечалось, что в 1943–1945 гг. школы были недостаточно обеспечены данным сырьем, в них также не было освещения.

Таким образом, несмотря на возникновение школ в эвенских селах, уровень образованности детей повышался медленно, чему способствовали неудовлетворительные условия жизни учащихся, эпидемии инфекционных заболеваний, отсутствие учебников и письменных принадлежностей, а также привлечение учащихся на полевые работы [19], весьма часто происходили срывы образовательного процесса. Однако сам факт открытия начальных школ в каждом национальном селении позволяет сделать вывод о важности для государства распространения образования и охвата им всего коренного населения. Также следует отметить, что неудовлетворительные бытовые условия и срывы в учебном процессе наблюдались в большинстве школ Камчатки этого периода.

Первые послевоенные годы в Быстринском районе ознаменовались активным развитием сферы культурно-бытового обслуживания населения, а также активизацией пропаганды социалистической культуры и ценностей. Их ретрансляторами, по-прежнему, являлись образовательные и досуговые учреждения. В 1946–1951 гг. расширилась сеть начальных школ в Быстринском районе. Так, они появились в селах Кекук и Лаучан. Так, в 1947 г. в протоколах Кекукнайского сельсовета упоминалось о функционировании школы [20], а в Лаучанском сельском совете в 1946 г. [21]. Под здания школы в с. Кекуке отвели строение, в котором, к сожалению,

нию, не было столов и скамеек, классной доски и отопления [22]. Лаучанская школа также не была отремонтирована к началу 1948–1949 учебного года, в ней не было освещения, депутатами сельсовета не был произведен учет контингента учащихся [23].

Помимо бытовых проблем школы района испытывали сложности с учительскими кадрами. В 1946 г. в Лаучанской школе не было учителя, поэтому она была закрыта. Кадры не снабжались рабочими пайками, так как Ичинский рыбокооп, отвечавший за это, не высылал всех необходимых продуктов [24]. Помимо того, учителя, жившие на квартирах при школах также не получали дров для отопления жилищ [25]. Вся тяжесть по организации снабжения школьных учреждений дровами, а также по ремонту помещений по-прежнему ложилась на плечи сельсоветов и колхозов. Так, сельские советы организовывали воскресники по заготовке дров, на которые были обязаны приходить члены родительского комитета школ [26], а председатели колхозов – выделять работников-членов колхоза для проведения ремонта [27]. Это было одной из причин текучести учительских кадров, нежелания оставаться и работать в таких условиях. Однако даже в столь непростых условиях школы функционировали. Они были первыми учебными заведениями в национальных населенных пунктах. Впервые школьные учреждения стали строиться по географическому принципу, максимально приближаясь к территориям расселения этносов, а не из расчета наполняемости, окупаемости и удобства расположения.

Таким образом, в 1946–1951 гг. в школах района и интернатах сохранялись неудовлетворительные бытовые условия, вся тяжесть их поддержания в соответствующем состоянии лежала на плечах членов родительских комитетов и колхозников. Многие родители, работавшие в оленеводческих табунах и на удаленных рыбозаготовочных участках, не хотели отдавать детей в школы-интернаты, поэтому депутаты сельских советов регулярно проводили разъяснительные беседы с ними о важности образования и их родительских обязанностях [28]. Жители же самих колхозных усадеб направляли своих детей в школы, а также оказывали значительное содействие работавшим там учителям: снабжали их продовольствием, дровами. Школа в малых населенных пунктах являлась центром культурной жизни: при ней функционировали кружки, издавались стенгазеты, силами школьников изготавливались плакаты и проводились праздничные постановки.

В 1950-х гг. с дальнейшим развитием экономики района и области, с ее укреплением, произошли и положительные изменения в жизни школ Быстринского района. Они были полностью обеспечены учебно-письменными принадлежностями и дровами, а также в описываемый период 100 % детей были охвачены всеобучем [29]. Протоколы сельских советов трактуют это как новый качественный уровень развития народного образования. В эти годы школа также становилась и центром первичного политического просвещения и популяризации социалистического образа жизни и ценностей. По отчетам Кекуккнайской начальной школы за 1950–1951 учебный год «все учащиеся получили прочные знания в коммунистическом воспитании <...> с учениками проводились беседы на международные темы, о событиях в Корее, о коммунистических сталинских стройках, о героях Советского Союза, о героях социалистического труда, лауреатах сталинской премии <...> проводились читки книг, журналов, статей и рассказов из газет» [30].

Несмотря на положительные отчеты сельских советов о деятельности школ, в их работе сохранялся целый ряд проблем. Так, в 1950–1951 учебном году Кекуккнайская школа находилась в антисанитарном состоянии, учащиеся приходили грязными и оборванными, отсутствовала связь с родителями – не была налажена работа родительского комитета, сельсовет и партийная организация не принимали активного участия в жизни школы, как и комсомольская организация, в школе не было света и отопления [31].

В целом, хотя в образовательной системе Быстринского района и произошли некоторые улучшения, санитарное состояние школ и бытовые условия в интернатах малочисленных сельских советов, таких как Лаучанский, Тваянский и Кекуккнайский, оставались неудовлетворительными. Однако само местное население с готовностью поддерживало школу. За счет средств самообложения проводился ремонт, жители снабжали учителей дровами и продуктами питания. В 1950-х гг. школа стала важнейшим звеном политического просвещения подрастающего поколения и местом идеологического воспитания советского гражданина, а также способствовала налаживанию контакта коренного населения и командированных специалистов: в школах учились не только эвены, но и дети присланных в район на работу специалистов. Школа также способствовала постепенной интеграции эвенов в советское общество и приобщению их к советским праздникам. Для достижения поставленных перед ними целей учителя проводили многочисленные разъяснительные беседы не только с учащимися, но и их родителями. При работе с родительскими комитетами школ также происходило вовлечение взрослого населения в общественную жизнь. Выпускники школ и ликбезов 1930–1950-х гг. с охотой отправлялись учиться на курсы, в среднеспециальные и высшие учебные заведения за пределами Быстринского района, а после завершения обучения возвращались в него в качестве специалистов. Яр-

кими примерами могут служить: П.Б. Адуканова (закончила курсы медсестер, была заведующей медпункта в с. Тваян в 1943–1948 гг.), Е.В. Коеркова (получила медицинское образование, работала фельдшером в районе в 1963–1976 гг.) и другие [32].

В целом, в 1920-х – начале 1950-х гг. в Быстринском районе сформировалась сеть школьных учреждений, которая выполняла множество задач одновременно: школы были не просто образовательными учреждениями, они также стали ретрансляторами новых культурных ценностей, заведениями политического просвещения и идеологического воспитания. Кроме того школы помогали вовлекать в общественную жизнь и взрослое население работой учителя с родителями и создания родительских комитетов.

Создание школ в каждом национальном населенном пункте Быстринского района способствовало воплощению идеи всеобщего, а также популяризации школьного образования среди эвенов, делая его более доступным. Школьные учреждения впервые делали доступным для эвенов получение среднего и высшего профессионального образования.

Ссылки:

1. Крупская Н.К. Основы политико-просветительской работы. Т. 7. М., 1959. 760 с.
2. Крупская Н.К. Библиотечное дело. Т. 8. М., 1960. 750 с.
3. Крупская Н.К. Ликвидация неграмотности и малограмотности. Т. 9. М., 1960. 690 с.
4. Антропов М.С. Среди ламутов. М.; Л., 1931. 53 с.
5. Там же. С. 17.
6. Там же. С. 19.
7. Из архивов К.С. Черканова // Мат-лы этнограф. экспед. в с. Анавгай 13–21 марта 2005 г.
8. Барауля А.П. Воспоминания о школе // Мат-лы этнограф. экспед. в с. Анавгай 13–21 марта 2005 г.
9. Воспоминания камчадалов и старожилов Камчатки: век двадцатый. Петропавловск-Камчатский, 2007. 260 с.
10. ГАКК ф. Р-487. Оп. 1. Д. 1. Л. 20, 20 об.
11. ГАКК ф. Р-488. Оп. 1. Д. 10. Л. 13, 13 об.
12. ГАКК ф. Р-486. Оп. 1. Д. 10. Л. 30.
13. ГАКК ф. Р-489. Оп. 1. Д. 3. Л. 8.
14. Из письма В.П. Шевелевой // Муниципальный архив Эссовского сельского поселения Фонд фотоматериалы.
15. ГАКК ф. Р-486. ...
16. ГАКК ф. Р-488. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.
17. Там же.
18. ГАКК ф. Р-486. ...
19. Там же.
20. ГАКК ф. Р-489. ...
21. ГАКК ф. Р-488. Оп. 1. Д. 13. Л. 2, 23.
22. ГАКК ф. Р-488. Оп. 1. Д. 13. Л. 2, 23.
23. ГАКК ф. Р-487. Оп. 1. Д. 19. Л. 2, 3.
24. ГАКК ф. Р-488. Оп. 1. Д. 13. Л. 2, 23.
25. ГАКК ф. Р-489. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.
26. ГАКК ф. Р-489. Оп. 1. Д. 3. Л. 8. Д. 4. Л. 1 об.
27. ГАКК ф. Р-488. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.
28. ГАКК ф. Р-487. Оп. 1. Д. 19. Л. 2, 3.
29. ГАКК ф. Р-489. Оп. 1. Д. 5. Л. 17, 17 об., 18.
30. Там же.
31. Там же.
32. БРЭМ-725/1–9.

References:

1. Krupskaya, NK 1959, *Policy-based outreach*, vol. 7, Moscow, p. 760.
2. Krupskaya, NK 1960, *Librarianship*, vol. 8, Moscow, p. 750.
3. Krupskaya, NK 1960, *Elimination of illiteracy and semi-literacy*. Т. 9. Moscow, . 690.
4. Antropov, MS 1931, *Among Lamuts*, Moscow; Leningrad, p. 53.
5. Antropov, MS 1931, *Among Lamuts*, Moscow; Leningrad, p. 17.
6. Antropov, MS 1931, *Among Lamuts*, Moscow; Leningrad, p. 19.
7. 'From the archives KS Cherkanova' 2005, *Materials of the ethnographer. expedition. at p. Anavgai 13-21 March*.
8. Baraulya, AP 2005, 'Memories of school', *Materials of the ethnographer. expedition. at p. Anavgai 13-21 March*.
9. *Kamchadals Memories and old residents of Kamchatka: the twentieth century* 2007, Petropavlovsk-Kamchatsky, p. 260.
10. GAKK f. p-487, op. 1, d. 1, l. 20, 20 vol.
11. GAKK f. p-488, op. 1, d. 10, l. 13, 13 vol.
12. GAKK f. p-486, op. 1, d. 10, l. 30.
13. GAKK f. p-489, op. 1, d. 3, l. 8.
14. 'A letter from VP Sheveleva', *Municipal Archives Essovskaya rural settlement fund photographs*.
15. GAKK f. p-486, op. 1, d. 10, l. 30.
16. GAKK f. p-488, op. 1, d. 10, l. 2.
17. GAKK f. p-488, op. 1, d. 10, l. 2.
18. GAKK f. p-486, op. 1, d. 10, l. 30.
19. Ibid.
20. GAKK F. P-489. ...

21. GAKK F. P-488. Op. 1. D. 13. L. 2, 23.
22. GAKK F. P-488. Op. 1. D. 13. L. 2, 23.
23. GAKK F. P-487. Op. 1. D. 19. L. 2, 3.
24. GAKK F. P-488. Op. 1. D. 13. L. 2, 23.
25. GAKK F. P-489. Op. 1. D. 3. L. 1.
26. GAKK F. P-489. Op. 1. D. 3. L. 8. D. 4. L. 1 vol.
27. GAKK F. P-488. Op. 1. D. 10. L. 2.
28. GAKK F. P-487. Op. 1. D. 19. L. 2, 3.
29. GAKK F. P-489. Op. 1. D. 5. L. 17, 17 vol., 18.
30. Ibid.
31. Ibid.
32. BREM-725/1-9.